

Станислав Александрович Минаков родился в 1959 году. Поэт, прозаик, переводчик. Автор нескольких книг, множества публикаций в журналах, антологиях, альманахах. Член Национального союза писателей Украины, Союза писателей России. Лауреат Международной премии и.м. Арсения и Андрея Тарковских, Всероссийской премии имени братьев Киреевских «Отчий дом» и других литературных и журналистских премий России и Украины. Живет в Белгороде.

Станислав Минаков

ДОСТИГНУВ ЧАЕМОЙ ГАРМОНИИ

(Лев Коноров, ученик Евгения Носова)

Писатель, журналист Лев Федорович Коноров, родившийся 14 декабря 1933 года в деревне Карасевка Бесединского района Курской области и завершивший жизненный и творческий путь 10 марта 2011 года в Белгороде, по сущностной природе своей, по факту и праву рождения, жизни и смерти на Черноземье не мог на избранной им стезе не стать певцом своей земли, ее красоты и боли, не мог не стать в ряды тех, кого советская критика назвала «почвенниками», «деревенщиками», даром что почти все они были востребованы отечественной культурой и стали городской интеллигенцией.

Критикам вольно втискивать художника в какую-либо «обойму». Обижаться нечего: деревенщик так деревенщик, почвенник так почвенник, по мне — так вполне лестное наименование, да и плеяда неплоха. Суть же в том, что в лучших произведениях наших почвенников, как верно подмечено, «читатели находят не только узкое крестьянское понимание природных и житейских процессов на родной земле, но и масштабное философское осмысление бытия людей и Отечества». В советский безбожный век они были носителями светлой духовности (подчас интуитивной, незадуманной, безотчетной); их деятельность, творчество позволили нам сохранить фундаментальные русские ценности даже в тех условиях, ко-

торые были направлены на разрушение и уничтожение всего русского. И это было их служение — тех немногих, кто сумел выполнить поручение Божией красоты, гармонии, совести, нравственности, страдания и сострадания, которые, как мы понимаем, являются частью дара.

«Меня все терзают грани меж городом и селом», — писал замечательный Николай Рубцов, но более категоричен был Андрей Платонов, полемично заметивший — де, что из старообрядчества еще неизвестно что получилось бы, а из цивилизации — известно что.

Скромность, некрикливость и некичливость, совестливость, деликатность, тихий голос при внятности и глубине высказывания в полной мере присущи таким мастерам отечественной словесности, как Валентин Распутин, Юрий Казаков, Константин Воробьев, Василий Шукшин. Ряд продолжают Федор Абрамов, Василий Белов, Виктор Астафьев, Борис Можаев, а также ныне здравствующим Владимиру Личутину, Борису Екимову, Михаилу Тарковскому.

В этом ряду стоит и замечательный писатель фронтового поколения, уроженец курского села Толмачево Евгений Носов, оставивший нам проникновенную прозу, которую сразу по публикации в 1960–1980-х мы читали как сущностнообразующую классику и становились русскими людьми. Солженицын считал, что Носов в изображении крестьянской жизни превзошел письмо Тургенева и Бунина. Спорить не стану.

Именно Евгений Иванович Носов, мастер поэтичной, традиционной русской прозы стал творческим наставником и старшим другом в жизни Льва Конорева. Без преувеличений можно сказать, что их встреча в 1962 году на Курском областном семинаре молодых литераторов стала для молодого журналиста и начинающего прозаика Конорева судьбоносной. Потом Носов с удовлетворением отзовется о прозе младшего коллеги: «Его рассказы держатся на двух главных литературных компонентах — духовном мире человека и выразительности языка, над которым Конорев работал с особым тщанием».

«Я состоялся как писатель благодаря Овечкину», — неоднократно говорил Носов. Конорев был вправе эхом повторить тезис: «Я состоялся как писатель благодаря Носову».

«От “Слова о полку Игореве” до “Войны и мира” русская литература пронесла через века священный образ Родины и думы о ее судьбе». Так говорил Носов. Этому учил и своего младшего коллегу Конорева.

Показательный пример сформировавшейся стилистики прозаика Льва Конорева — мемуарное приношение дорогому учителю: записки «С вершины древнего кургана (Из воспоминаний о Евгении Носове)», опубликованные в журнале «Наш современник» (№6, 2003) через год после кончины Носова.

Читаем: «...поездка с Евгением Ивановичем Носовым на меловое крутогорье Городища, что горбато вздымается над низинной округой моей родной Карасевки. Эта поездка, которая, как потом оказалось, навяла писателю некоторые узловые сцены будущей повести “Усвятские шлемоносцы”. <...> Оставив машины у края дороги, молча протопали по полевой траве к подножию кургана. По крутому его склону, поросшему жесткой выгоревшей травой с вкраплениями каких-то махоньких красноватых и желтоватых цветочков, какие не встретишь в обычных степных местах, поднялись мы на плоскую, тоже травянистую поверхность курганной “тарелочки”. Только взойдя на нее и повернувшись лицом в восточную сторону, увидели, что курганный холм неожиданно обрывается вниз жутковатой, почти отвесной меловой кручей высотой метров восемьдесят, а может, и больше. И какой же простор открывался отсюда! Прямо перед нами, распахнутая во всю ширь, простиралась зеленая луговая низина, по которой, синевато поблескивая, петляла узкая лента речки Рати в окоеме курчавых береговых лозняков и ольховых зарослей; наперерез ей, по той стороне, тянулась извилистая бороздка ручья, впадавшего в речку, а за ручьем, разделявшим

надвое мою Карасевку, неясно виднелась сама деревня, непривычно маленькая, с игрушечными кубиками домов, едва различимыми в буйной ракитовой поросли. Мне хотелось показать Евгению Ивановичу нашу бывшую избу, но я и сам точно не отыскал ее и указал лишь приблизительное место».

Речь повествователя словно льется сама по себе, создается впечатление простоты, даже легкости высказывания, возникает иллюзия, что иначе и сказать-то невозможно, однако это — виртуозное письмо, за которым стоят десятилетия литературного труда и работы души. Нужно было действительно иметь величие замысла и творческое дерзновение, чтобы в самом начале пути, после слов наставника «это никуда не годится. Так писать нельзя. В общем, не обижайся, но наплыв ты на эти свои сочинения, забрось их и принимайся за новые» — как Феникс восстать к работе.

«Много бумаги пришлось извести, чтобы хоть как-то на ощупь приблизиться к приемлемому уровню сочинительства, — вспоминал Л. Конорев. — Принесешь, бывало, Евгению Ивановичу свой очередной опус, но без внутренней дрожи отдашь на прочтение, а он, возвращая потом прочитанную рукопись и потирая переносицу, скажет в раздумье: “Ну что?.. Как будто ладнее прежнего, а все-таки еще слабовато. Не дотягиваешь до уровня...” И начинает подробный разбор написанного. <...> Мои упорные и бесплодные попытки выйти на должный уровень сочинительства длились долго, очень долго...»

Достиг ли старатель Конорев чаемой гармонии? Судите сами — разве это не прекрасная, поэтично интонированная, живописная, лексически отрядная русская проза: «Под нами внизу, пересекая зеленое луговое займище и затемняя травы, плыла, словно бы перетекала округлая сиреневая тень от белогрудого облака, и писатель проследил ее путь, пока не истаяла она за дальним меловым выступом...»

У Льва Конорева с Евгением Носовым были годы живого общения и длительная дружеская переписка, к счастью, сохранившаяся и частично опубликованная в наши дни. Помним поговорку «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Такой старший друг формирует тебя как личность и ведет по спирали возрастания мастерства, и ты становишься способным дарить своим читателям суждения, чуть ли не конгениальные полотну учителя, который, словно ракетоноситель, вывел тебя на творческую орбиту.

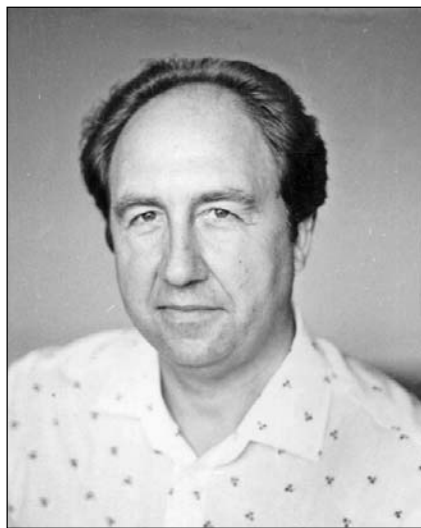
Замечательной прозой Конорев рассказывает о невозможно прекрасном сочинении старшего друга: «...И вот в руках носовская повесть, которая как бы и не совсем о войне, в том смысле, что не было в ней никаких батальных сцен и даже ни единого выстрела не прозвучало, а развертывалось неспешно, словно в замедленной киносъемке, эпическое повествование-сказание о жизни глубинного села Усвяты в первые дни после объявления войны, о том, как усвятские мужики, миролюбивые по самой крестьянской сути, психологически переламаывали себя для ратного дела и духовно готовились к новой священной роли “шлемоносцев” — защитников своего Отечества. Но как все это было художественно воссоздано, на какой пронзительной ноте велось повествование, от которого, без преувеличения, захватывало дух!...»

Научный сотрудник Курского литмузея Е.Д. Спасская в своей заметке «Все пройдет, а книга останется» («Белгородская правда» от 21 мая 2011 г.) вспоминала, как послала Л. Конореву книгу рассказов Е. Носова «Вечерние стога». Он ответил: «Вы и не представляете, как обрадовали меня своим книжным подарком! Ведь до сих пор у меня были лишь редкие, разрозненные публикации позднего Носова. А тут целый том любовно выпущенного издания и столько новых названий для меня! Я взял книгу в руки и сразу не стал раскрывать ее, а несколько минут оглаживал ее в ладонях... А когда посмотрел содержание — тут и вовсе душа моя встрепенулась от радости... Прочел первые два абзаца “Гори, гори ясно...” (“Карманный фонарик”) и был заворочен вязью волшебных носовских строк... Какая словесная инструментовка, какая музыкальная мелодичность!...»

И дальше: «Читаю, и вдруг меня как будто током поразило: а если бы тогда, в 45-м, в Пруссии немецкий “фердинанд” попал не в лопатку, а сердце молодого Носова, мы бы не знали такого писателя, и литература была бы без этого имени?.. Это просто невероятно...»

«Не раз говорил мне Лев Федорович о своей любви к земле, к труду, к своему саду, — завершает белгородскую заметку Е. Спасская. — “Сказать по совести, — пишет он в начале весны, — стосковался я по земле, по лопате и граблям... Вот чему можно верить безоговорочно — это земле-матушке... Она, если не поленишься, никогда не подведет”. А дальше — с горечью: “Не то что люди...”. Значит, были такие трудные минуты, каких всем нам хотелось бы избежать...»

Вспоминается высказывание столичного, питерского жителя, Федора Достоевского: «Последнее слово скажут они же вот эти самые разные власы, кающиеся и некающиеся, они скажут и укажут нам новую дорогу из всех, казалось бы, безысходных затруднений наших. Но Петербург не разрешит окончательно судьбу русскую». Такими «власами» были и Носов, и Конорев.

Лев Конорев

* * *

Лев Конорев, по мнению коллег, был «из уходящей породы профессионалов и безукоризненно порядочных людей».

Живущий в древнем городке Бирюч член СПР Владимир Калущкий в воспоминаниях о нашем герое поэтичен: «Из всей группы писателей выделялся именно он — Лев Федорович Конорев. Был он высок, красив, аристократичен. Пожалуй — Лев Федорович был для меня первым писателем, кто внешне и внутренне соответствовал своему званию. Конечно, после встречи, среди прочих, я подошел к нему. Ни налета надменности, при таких данных, ни намека назидательности в разговоре. Я тогда сбобел, не заговорил отдельно, упустил случай. Но в тот же день взял в библиотеке его книгу “Голоса за околицей”. Других там не оказалось. Но эта была, как намоленная икона — зачитана до потертостей на обложке. <...> Всякий раз, приезжая в Белгород, я искал взглядом его небесную фигуру. <...> Мы не созванивались. Но я всегда чувствовал, что в Белгороде живет писатель космического замеса, который меня знает. И это делало меня как бы сопричастным небу. Я все надеялся, что еще поговорю со Львом Федоровичем, наберусь от его курского соловьиного мира...»

Ознакомимся с биографией Льва Конорева, пунктирно опираясь на заметки наших коллег.

Родился будущий писатель в простой крестьянской семье. Великая война пришла к восьмилетнему курянину в дом уже осенью 1941-го. В повести «Росные травы» Конорев расскажет: «Помню, как зябкими осенними вечерами вся наша улица выходила на бугристый выгон и оттуда с тревогой мы наблюдали за тем, как фашистские самолеты бомбили Курск... Потом были долгие месяцы оккупации, освобождение наших мест... Нас рано приучали к труду, мы постоянно помогали дома по хозяйству, а в пору летних каникул целыми днями пропадали в поле на колхозных работах. И работу эту, в общем-то, нелегкую, выполняли радостно, с неумным азартом...»

Писать Лев начал классе в восьмом — с сочинения стихов, но быстро перешел на прозу. Первые публикации состоялись в районной газете «Колхозная правда». По окончании школы Конорев отслужил срочную в армии и поступил на философский факультет МГУ. Активная жизненная позиция была замечена, и его избирают первым секретарем Бесединского райкома ВЛКСМ Курской области. Все же будущего писателя больше привлекает работа со словом, и в 1956 году Лев Конорев переходит на журналистскую работу — сначала в районную газету, затем в областной Комитет телерадиовещания.

Период его редакторства — с 1968-го по 1977 год — коллеги и читатели и сейчас считают «золотым веком» в истории курской газеты «Молодая гвардия». Затем Л. Конорев приглашают на работу собственным корреспондентом ТАСС — сначала по Марийской АССР, а с 1982 года — по Белгородской области. В 1990-е годы Л.Ф. Конорев возглавляет службу новостей молодой компании ГТРК «Белгород». Наряду с напряженным журналистским трудом, Конорев все это время продолжает писать рассказы и повести.

Первая значимая публикация художественной прозы Конорева, рассказ «Хозяин», появилась в 1964 году в воронежском всероссийском литературном журнале «Подъём». Федор Волохов, главный редактор издания, отметил высокий литературный уровень рассказа, и в последующие годы журнал не раз выходил с коноревскими рассказами: «В метель», «Горькая патока», «Солнце играет»...

Идя от позднего Конорева к раннему, подобно иконной обратной перспективе, прочитаем два фрагмента рассказа «Хозяин»:

«Петр двое суток не ночевал дома. На третьи объявился, сказал, что уезжает по оргнабору на Крайний Север. Марфа, заплаканная, резко осунувшаяся, собрала сыну нехитрые пожитки. Перед отъездом Петр прошел в залу, где сидел за столом отец. Прохор Кузьмич приподнял голову и, насупившись, выжидательно смотрел на Петра. В глубине души он еще надеялся на примирение с сыном.

— Вот что, — сказал Петр, прямо глядя отцу в глаза. — Не смей тут без меня мать обижать. Не тронь ее, слышишь? Узнаю — худо будет. Найду на тебя управу.

Прохор Кузьмич, уставившись в одну точку, молчал.

— Ну, прощай, что ли, — сказал Петр, помедлил и, решительно повернувшись, вышел.

Прохор Кузьмич запоздало и машинально кивнул головой. Тихо скрипнула дверь в передней и вслед за нею хлопнула наружная.

— Подлец, — процедил сквозь зубы Махотин и длинно, со смаком выругался.

Девять дней не было вестей от Петра. Марфа ходила сама не своя, бледная, с синими тенями под глазами. На десятые сутки она получила письмо, успокоилась, но стала задумчивой и молчаливой. С тех пор почтальон регулярно приносил Марфе конверты со штампом Воркуты.

Махотин не читал этих писем и не спрашивал никогда, о чем пишет сын. Если же кто-нибудь из макаровцев заговаривал с ним о Петре, он отвечал сердито, одной и той же фразой:

— Опомнитесь, сучий сын. Локти кусать будет».

Крепко? По-русски? А ведь текст мы читаем изрядно переработанный автором — после получения письма от консультанта журнала «Подъём» Гавриила Троепольского, испещрившего рукопись пометками и написавшего: «Думайте над каждой фразой, над каждым словом. Так пройдитесь по в с е м у рассказу. Он стоит того, чтобы над ним поработать. <...> Когда закончите, пришлите рассказ в “Подъём” на имя редактора. Не спешите».

И мы — не спеша — прочитаем фрагмент финальной части этого рассказа, явившего зачин всей будущей прозы Льва Конорева:

«...После второго сваленного дуба Махотину стало жарко. Мокрая исподняя рубаха

прилипла к лопаткам. Из-под шапки, вьедаясь в глаза, струился пот. Прохор Кузьмич расстегнул полушубок, снял рукавицы и вытер ладонью лоб. На минуту передохнул, прислушался. Вьюга по-прежнему бесновалась над лесом, громко скрипели деревья.

Прохор Кузьмич огляделся по сторонам. Неподалеку, через просеку, стоял на краю поляны большой стройный дуб. «Хорошая лесина, — облюбовал Махотин. — Добрая веревка для ворот».

Дуб с трех сторон был окружен низкорослым кустарником. Прохор Кузьмич вырубил у подножья несколько колких кустов терновника и застучал топором по стволу. Дуб поддавался с трудом. Махотин часто останавливался, громко отдувался, жадно, как рыба, лоя ртом воздух. И снова, собравшись с силой, ожесточенно стучал по стволу.

Сердцевина дерева становилась все тоньше. Дуб, как в ознобе, вздрагивал с каждым ударом топора. Вдруг он стремительно затрепетал, и Махотин скорее инстинктивно почувствовал, чем успел сообразить, что дерево валится в его сторону. Он беспокойно метнулся прочь, но споткнулся о куст терновника и, распластавшись, упал животом на снег. В ту же секунду его оглушило тяжелым ударом в спину. Махотин вскрикнул и потерял сознание».

Надо ли удивляться, что об этом рассказе начинающего прозаика Носов скажет: «По письму — ничего, ладно получилось». Так и видится, как мастер прячет удовлетворенную улыбку «в усы», которых он не носил.

А ученик признается себе: «Писать по старинке, как писалось до “Хозяина”, было уже нельзя, а “по-новому” — не всегда получалось... И на этом пути весомой опорой становились “носовские университеты”, — и продолжит оттачивать литературное мастерство, а также публиковаться во всесоюзных журналах «Наш современник», «Сельская молодежь», «Север», «Голос Родины», еженедельнике «Литературная Россия».

Наконец в 1968 году в Центрально-Черноземном книжном издательстве выходит первый коноровский сборник «Солнце играет» с посвящением маме писателя Раисе Кузьминичне. Дальше будут книжки «Деревенские вечера» (1972), «Шмелиный мед» (1977). Выходу обеих, особенно последней, в серии «Первая книга в столице», снятой из планов издательства редакторским произволом, помог, конечно же, Евгений Носов. Проникнутый грустью о несбывшихся детских мечтах рассказ 1975 года «Балалайка, которой у меня не было» из сборника прозы «Шмелиный мед» считают визитной карточкой писателя Льва Конорева.

«Сколько лет прошло с той далекой поры... Кажется, та детская мечта о трехструнке давно уж и навсегда похоронена под толщей времени. Но почему-то я всякий раз, как увижу играющего балалаечника-виртуоза, начинаю волноваться, что-то очень давнее, потаенное просыпается во мне, и я с грустной улыбкой думаю: быть может, тогда, в первые послевоенные годы, погиб во мне дар музыканта-балалаечника, погиб заживо, не успев даже народиться... Но что поделать, если в ту пору подержанное ватное одеяло было в доме нужнее балалайки, если корове Зорьке не хватало на зиму сена, а нашим городским родственникам тяжело пришлось в то неурожайное лето... И еще, когда слышу я балалаечный звон, вспоминаю деревенскую горницу, полную людей, дядю Семена с балалайкой на коленях».

В Союз писателей СССР Л. Коноров был принят в 1979 году. В белгородский период прозаик выпустил в свет сначала «Росные травы» (1989) — пронзительную книгу, основанную на личных воспоминаниях о военном детстве и послевоенном отрочестве, затем вышли «Голоса за околицей» (2001) и сборник литературных мемуаров «Люди, которых я знал» (2008).

Для русского художника всегда важен тыл, оплот, «надежда и опора» — его семья. Лев Федорович — как отмечали коллеги и соседи, «великолепный семьянин, безгранично преданный своим девочкам» — с супругой Людмилой Николаевной вырастили двух прекрасных, одаренных, образованных дочерей-красавиц, Тамару и Ирину, — заслуженно известных личностей в белгородском культурном пространстве.

Мои детство и юность проходили в Белгороде, и прозу своих курских земляков-соседей, а также, конечно, их духовных соратников со всей России, я уже тогда читал с упоением, внятно понимая, что это написано и обо мне, моей семье, моей земле, моей Родине. Эти рассказы и повести мне, городскому мальчишке со множеством крестьянских и мастеровых корней, сделали именно что почвенническую прививку, и сегодня я убежден, что литература «русских деревенщиков» должна «прививаться» школьникам России практически буквально — в противном случае мы получим (уже получаем) неодолимую хворь, манкуртизированные, беспочвенные поколения «иванов, не помнящих родства», живущих с нами на одной лестничной площадке или через забор; видим, во что вылились упущения, например, на Украине, где с помощью умелых манипулятивных технологий враг добивается перепрограммирования личного и общего сознания немалой части русского народа.

«А мои ти куряни свсдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелсяны, конецъ копія въскрѣмлени, пути имъ всдоми, яругы имъ знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изъострени», — говорится в «Слове о полку Игореве». В ряду курян-шлемоносцев новой эпохи стоят прозаики Евгений Носов и Константин Воробьев, композитор Георгий Свиридов, скульптор Вячеслав Клыков, белгородский художник Станислав Косенков. И это ряд не местночтимый, а всероссийский. Все они, выросшие в радетелей и страдателей за Русскую землю, за ее человека, в своих сердцах перекатывали непреходящие узловые русские вопросы. Писатель Лев Конорев — тот, кто приближен к богатырским рядам этой славной когорты.

